

Кузнецов А.Ю.

г. Екатеринбург

Социодинамика культуры:

традиции – нормы – ценности.

Решение проблем взаимодействия и диалога различных культур становится не только насущной необходимостью, но и условием самого существования человечества в XXI веке. Нередко, говоря об интеграции России в общемировую цивилизацию, недостаточное внимание уделяют тому факту, что процессы глобализации в разных сферах общественной жизни сопровождаются не столько нивелированием самих субъектов этих межнациональных, межгосударственных и межкультурных отношений, сколько выработкой формул консенсуса, учитывающих их самобытность и индивидуальные черты. Что могло бы стать основой такого взаимодействия? Результатом простого механического смешения и уравнивания культур оказывается такой продукт, который не устраивает даже непритязательного массового потребителя. Не учитывают культурного фактора и те проекты, которые предлагают модели международного разделения труда, ресурсов и потребления на основе чисто технологического функционализма. Люди не желают становиться просто функциями, деталями единого общемирового механизма. Очевидно, уточнение формул культурной идентичности взаимодействующих цивилизаций – это необходимый предварительный этап разработки любых проектов глобализации.

Выявление самобытности требует обращения к историческому и культурному наследию, изучения традиции и опыта формирования национального самосознания. Однако на практике такие исследования часто оказываются интересными только для узкого круга специалистов. Современные, актуальные культуры с исторической традицией конечно связаны, но отнюдь не сводятся к ней. Так, поиск формул способных составить и определить собой ценностное ядро современной русской культуры приводит многих исследователей к аналогичным результатам. На них русская культура основывалась почти во всей своей многовековой истории, но их понимание в социальном и политическом преломлении существенно отличалось в разные эпохи (Киевская Русь, Московское царство, Петербургский период, СССР). При осмыслении связи между особенностями формирования ценностного ядра актуальной культуры и историческим возрастом культурной традиции многое можно объяснить с точки зрения теории этногенеза известного историка и этнографа Л.Н. Гумилева. К подобным теориям исторического развития обычно относят и широко известные концепции Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, А. Тойнби, О. Шпенглера и др. Это теории больших исторических циклов, рассматривающие мировые цивилизации и культуры как «живые» организмы или системы, возникающие, развивающиеся приходящие к неизбежному концу – смерти. Можно назвать их циклическими теориями локальных цивилизаций.

Концепция Л.Н. Гумилева позволяет решить ряд методологических проблем. Главное – это то, что понимание этноса как фиксированного состояния процесса, позволяет объяснить различия в наборе признаков и характеристик культур, которые он генерирует на разных стадиях своего развития. Собственно Л.Н. Гумилев это и сделал, однако хронология и характеристика этих фаз, на мой взгляд, спорны.

Один из недостатков его теории состоит в том, что он понимал культуру как этнограф и археолог: как совокупность предметов быта, произведений искусства, мировоззренческих парадигм и т.п. Все это в современной социологии и культурологии относят к когнитивному блоку культуры, в котором она представлена как «... результат культурной деятельности или сама эта деятельность, имеющие общезначимую культурную ценность для той или иной социальной общности людей»³¹. Но этим далеко не исчерпывается содержание культуры. Культура понимается и как регулятор социальной деятельности, как система норм, которые являются «устойчивыми требованиями социальной общности к качеству деятельности и поведению членов этой общности»³². Это поведенческий блок культуры, то, что определяет стереотип социального поведения. И, поскольку Л.Н. Гумилев описывает именно последовательную смену стереотипов социального

---

³¹ Коган Л.Н. Социология культуры. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. С.

³² Там же: с.10

поведения людей, то здесь правильнее было бы говорить о социо-культурной динамике, а не об этногенезе.

Главный же недостаток теории Л.Н. Гумилева – это недооценка значения сознательной деятельности людей, выведение закономерностей процесса этногенеза из действия чисто природных (космических, геологических и т.п.) факторов и развития микромутаций на генетическом, возможно популяционном уровне. И здесь надо подчеркнуть, что социо-культурная динамика имеет своеобразные, отличные от биологических и вообще природных, механизмы функционирования и развития. В процессе функционирования «живой» культуры (не являющейся предметом изучения археологии или этнографии) постоянно возникают, сохраняются и забываются традиции, обряды, образцы поведения, оформляются в религиозных и философских учениях культурные ценности, идут процессы образования и разложения социальных институтов. Таким образом, как синтез когнитивного и поведенческого, формируется праксеологический блок культуры. Интересно рассмотреть процесс этого динамического взаимодействия различных блоков культуры.

Естественные общности, пребывающие в состоянии равновесия с окружающей природной и социальной средой вырабатывают культуру традиции, обычая, обряда. Это не означает отсутствия социальных институтов и политической организации, такой как государство, но все они имеют патриархальный, традиционный характер. Вероятно, необходимость изменения такого

общества обусловлена внешними вызовами³³: изменение природных условий (вмещающего и кормящего ландшафта), воздействие космических излучений или радиации (гипотеза Л.Н. Гумилева), межэтнические взаимодействия (нашествия иноплеменников, что представляется наиболее вероятным) и т.п. Тенденции изменения форм социального бытия, даже связанные на первый взгляд с возрождением, реставрацией традиции, по сути антитрадиционны, они так же могут противоречить традиционной культуре. Тогда новая культура норм навязывается обществу политической элитой или конкурирующими элитами (в Европе в IX-X веках таких элит сформировалось несколько, по количеству основных европейских наций), собственно именно поэтому ее и можно назвать культурой норм. Государство превращается в рациональную и наднациональную, бюрократическую организацию. Так или иначе, закрепившись в самосознании народа, нормы приобретают со временем характер социальных ценностей, а социальные и политические институты наполняются сакральным содержанием.

Продолжительность этих, первой и второй фаз социокультурного цикла составляет около 200 лет. В течение следующих 100 лет происходит процесс бюрократизации, т.е. утраты сакральных смыслов, возвращения к культуре норм. Следующие 100 лет – ритуализация, приводящая к вырождению институциональных форм (они становятся дисфункциональными) и, в определенном смысле, саморазрушению системы. Если в культуре есть

---

³³ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: Рольф, 2001. С.113-119

сложившаяся система традиций, обладающая достаточной исторической инерцией, то возможно возвращение к ней и возрождение на ее основе всей системы.

Такую хронологию можно, с достаточной степенью достоверности, основываясь на исторических фактах, обосновать эмпирически. В процессе развития, например, Античной цивилизации таких циклов было три, что в сумме составляет 1200 лет. Эта цифра совпадает и с оценками продолжительности существования большинства цивилизаций известных в истории человечества. В истории России, начиная с XIII века, вполне отчетливо просматриваются два таких, 400-летних цикла социо-культурной динамики³⁴.

Олешко В. Ф.

г. Екатеринбург

Культура - журналистика - личность: парадигма взаимодействия

В переходный период, когда нет навыков свободы, политической культуры, Опыта жизни в гражданском обществе нередко отмечается, как показывает практика, уменьшение значимости и размывание границ понятий «общечеловеческие ценности» и «общие интересы», а свобода индивида определена его

---

³⁴ Подробнее см.: Кузнецов А.Ю. Циклы социо-культурной динамики в истории России // Материалы Всероссийской научной конференции "Культура и цивилизация". Ч.2. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. с. 30-34.